

УДК 340

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В ДРЕВНЕРУССКОМ ПРАВЕ

© 2012

Ю.В. Оспенников, доктор юридических наук,
профессор кафедры «Государственно-правовые дисциплины»
«Самарский юридический институт ФСИН России» Самара (Россия)

Ключевые слова: древнерусское право; обязательства из причинения вреда; деликты; гражданско-правовая ответственность.

Аннотация: В статье выявлена система обязательств из причинения вреда, обычно не рассматриваемая в исследовательских работах. На основе анализа источников права и правоприменительных актов установлены особенности обязательств из деликтов в русском праве XI-XV вв.

В период XI-XV вв. в русском праве ещё не существовало разграничения отраслей права, однако процесс выделения и самостоятельного существования норм, носивших уголовно-правовой или гражданско-правовой характер, уже начался. Учитывая, что источники права XI-XV веков преимущественное внимание уделяют уголовно-правовым отношениям, тем более сложную и актуальную проблему представляет собой задача выявления гражданско-правовых правонарушений и ответственности за них.

В широком смысле под гражданскими правонарушениями можно понимать деяния, нарушающие частный интерес. Разрешение такого рода конфликтов происходит с минимальным участием государственной власти, в упрощённом порядке, а их суть сводится к возмещению ущерба. Именно в этом заключается главное отличие уголовной и гражданско-правовой ответственности, первая ориентирована на наказание, вторая — на возмещение ущерба. Долгое время в древнерусском праве судопроизводство носило преимущественно частноправовой характер, только к концу рассматриваемого периода появляется возможность выделять гражданские правонарушения, правовое регулирование которых совпадает с регулированием обязательств из причинения вреда.

Обязательственное право средневековой Руси традиционно в отечественной историко-правовой науке является предметом пристального внимания. Однако такая группа обязательственных правоотношений, как обязательства из причинения вреда оставалась и остается на периферии внимания исследователей.

В частных и публичных грамотах Северо-Западной Руси наиболее явным случаем наступления обязательств из деликта является конфискация («порубь») товара представителей той или иной общины за вину их соотечественников. В данном случае важно, что под соотечественниками имеются в виду именно члены одной городской общины, а не вообще русские, немецкие и т.п. купцы. К примеру, в договоре Новгорода и Пскова с Юрьевом 1474 года определяется, что за долги новгородцев недопустимо «рубить» псковичей и наоборот: «а юрьевцом новгородцовъ во псковскомъ деле не порубати; такъ же и псковичъ юрьевцомъ не порубати въ новгородскомъ деле никоторою нужною»[1]. В летописях также нередки упоминания о «порубе», то есть о конфискациях, применявшихся к купцам — см. например: «рубаша новгородцъ за моремъ въ Дони»[2].

В рассматриваемое время и для частных лиц, и для публичной власти естественным было обращение требования о взыскании ущерба не с самого виновного, если его невозможно отыскать, а с его соотечественников. Например, из грамоты начала XV века мы узнаем, что новгородские купцы Павел Кровца, Огофон и Яков Симановы, Мосей с детьми, Паг Павлов, Семен Коровин с детьми и Лука были должны (не уточняется, из какого основания возникла эта задолженность) большую сумму денег жителю Ругодива Клавшее и его братьям. После обращения Клавши к ругодивскому наместнику, тот принял решение взыскать требуемые суммы с новгородских купцов Михаила, Ильи, Терентия, Федора, Омоса и Игната: «А насъ в томъ оспода порубили: 10 бочокъ белкы да три круги воску»[3].

Интересно, что пострадавшие от конфискации обращаются к купеческому съезду с просьбой компенсировать их ущерб: «А нынеча на съезде тыхъ людеи ставя, кому дать и взять, да что бы не гибли правии люди». Иными словами, купцы, с которых взыскали за вину должников, выступают de facto в качестве поручителей последних: уплачивают за должников их долг (вынужденно), после чего обращают к ним то же требование как кредиторы.

Возможно, вопросы, связанные с фактами конфискации имущества, решались общегородскими собраниями и решающее значение в данном случае имели не частные интересы, а интересы общины, которую представляли пострадавшие в отношениях с другими государствами. О прямом вмешательстве новгородского веча в эти вопросы свидетельствует новгородская грамота № 17: «а что князь Михаила товаръ порубил братья нашей до новоторьского взятыя, а того товара весь Новъгород велеле Юрью и Якиму отступитися»[4].

Помимо договоров с русскими землями, в договорах с европейскими государствами Псков и Новгород также пытались ограничить применение узаконенных конфискаций. К примеру, в договоре Новгорода с Готландом и немецкими городами 1189-1199 гг. (ст. 11): «Оже родится тьяга в Немцах новгородцю, лубо Немчину Новегороде, то рубежа не творити, на другое лето жаловати; оже не прасять, то, князю явя и людем, взятии свое у гости...»[5. С.126.]. В рассмотренной норме конфликтующим сторонам предлагается сперва обратиться к обычному судебному решению дела и только в случае, если в течение года судебное дело так и не было решено, кредитор, обнаружив состояние дела, может прибегнуть к конфискации.

Аналогичная норма предписывается в договоре Новгорода и Пскова с Юрьевом 1474 года [1]. Здесь также кредиторам предлагается, не прибегая к конфискации, трижды обратиться к судебным властям, при этом судебный порядок решения конфликта объявляется предпочтительным («дадут чому исправу, ино богъ даи такъ»). Если же сторона должника не даст хода судебному делу, сторона кредитора имеет право осуществить конфискацию. В рассмотренной норме, помимо того, специально оговаривается неприкосновенность посла, защита его имущества от конфискации.

Несмотря на отмеченное стремление торговых родов положить пределы внесудебным конфискациям, сами они нередко угрожали такими же мерами, считая их вполне оправданными для защиты интересов своих сограждан. К примеру, угроза взыскать частный долг рижанина Нездильца содержится в грамоте Пскова Риге: «Зде тироваль Нездильце вашъ во Пльскове съ детьми, търговаль съ Кумордою и доплатилъ Куморде ... И ныне учините правду, выдаите Нездильца поручнику ... Или не выдаите Нездильца поручнику, то мы исправимъ въ Пльскове на вашей братии, а вамъ поведеаеъмъ» [6].

Конфискация имущества могла сопровождаться другими репрессивными мерами — задержанием и заключением. Например, полоцкий воевода Олехна Судимонтович предъявлял такие претензии рижскому магистрату в 1463 г.: «ваши рыжане ... полочанъ порубають и коуютъ и в неучливости держатъ» [7].

Материал берестяных грамот позволяет сделать очень важный вывод, что конфискация-«порубъ» использовалась не только в отношениях с иноземными партнерами, но и при регулировании обязательственных отношений между русскими. Так, в грамоте № 246 (XI в.) речь идет о невыполненном обязательстве (скорее всего из договора купли в кредит или из договора займа): «От Жировита къ Стоянови; како ты оу мене и чьстье древо въземъ и вевериць ми не присълещи, то девятое лето; а не присълещи ми полоу пяти гривны, а хоцоу ти выруоти въ тя лоуцьшаго новгородянина; посьли же добръмъ» [8]. Эта грамота подтверждает уже встретившееся в статьях международно-правовых актов правило, что споры о невыполненных обязательствах сначала было принято пытаться решить «мировым», «полюбовным» порядком. Иногда это мирное решение конфликта могло затягиваться на весьма длительный срок — в грамоте № 246 упоминается девятилетняя просрочка платежа. Автор грамоты угрожает «выруоти», то есть подвергнуть конфискации, не самого должника (который, видимо, недоступен), а знатнейшего из новгородских купцов, находящихся в городе.

Судя по тому, что практически никогда не уточняется, обязательства из какого договора не были выполнены, большее значение имеет факт причинения ущерба, а не факт неисполнения обязательств. Это одно важное отличительное свойство древнерусских обязательств из причинения вреда. Вторая значимая отличительная черта — содержание обязательства составляет обязанность возместить причиненный ущерб.

Таким образом, неисполнение обязательства из договора, принятого на себя частным лицом, влекло за собой возникновение обязательства из причинения ущерба, причем исполнение этого нового обязательства возлагалось в целом на городскую общину, к которой принадлежал должник. Основанием для обращения обязательства к общине являлась неспособность городских властей «дать правду», то есть обычным судебным порядком решить дело о возвращении долга. Сумма нового долгового обязательства могла быть взыскана с любого представителя «провинившейся» общины в форме конфискации

товаров, а сама процедура конфискации могла сопровождаться иными репрессивными мерами — в частности, заточением в поруб.

На основе анализа сохранившихся грамот можно выделить следующие элементы-этапы возникновения данного обязательства из причинения вреда: 1) попытки мирного, «полюбовного» урегулирования вопроса об исполнении обязательства из договора; 2) обращение к властям с требованием судебного решения дела о невыполненном обязательстве (кредитор обращается к властным органам той общины, членом которой является должник); 3) если судебное рассмотрение было проведено и решение было принято в пользу кредитора, последний требует выдачи должника (эта стадия не всегда имела место); 4) кредитор обращается к властным органам собственной общины, которые принимают решение о возникновении нового обязательства, которое может быть предъявлено к любому члену общины должника.

Подобно тому, как за долг одного члена общины конфискация налагалась на других членов той же общины, собственник домашнего скота отвечал за ущерб, причиненный скотиной. Древнерусское законодательство рассматриваемого периода ничего не говорит об обязательствах, возникающих из потравы, то есть ущерба, причиненного домашним скотом полю или сенокосу. Между тем этнографические данные свидетельствуют, что в крестьянской среде существовала устоявшаяся практика решения споров, возникающих из случаев потравы.

В древнерусских частных грамотах рассматриваемого периода можно найти указание на то, что владельцы сенокосов были озабочены проблемой потрав, которой уделялась значительное внимание, а каждый участок выпаса имел строго определенный круг пользователей. Например, при продаже земельного участка, в состав которого входил выпас, специально оговаривалось, что он закрыт для пользования соседями [9; 10; 11]. Очевидно, что нарушение границ этого выпаса чужой скотиной рассматривалось как причинение ущерба и приводило к возникновению обязательства по возмещению его.

Закон предусматривает и ситуацию, когда собственник «провинившейся» скотины попытается самовольно её вернуть. В данном случае закон защищает уже возникшее обязательство, поэтому устанавливается фиксированная ставка штрафа: если собственник скотины отнял её у пострадавшего на поле, он должен заплатить штраф в 1 марку, если же он уведет её со двора пострадавшего — 3 марки [12, с.181-182].

В одной из обонежских грамот предусматриваются последствия за деяние, аналогичное потраве — использование монастырских угодий без разрешения: «А хто ослышится сеи нашей грамоты ... а познеть лесъ сечи и пожни косити, и зяци гоняти или рыбы ловити, или ягоды и грибы братии ... ино тотъ будеть лишень лотки и сечи...» [13]. В этом случае, как видим, пострадавший собственник имеет право удержать имущество, посредством которого ему был причинен вред. Кроме того, вероятно предполагается, что в новгородской берестяной грамоте № 8 (конец XII — первая четверть XIII в.) речь идет о случае потравы, с последующим удержанием «провинившейся» скотины и её выкупом: «От Семнуовой жены к Игучку. Тому, чья у тебя корова, скажи: «Если хочешь корову и едешь за коровой, то вези три гривны» [14].

Обязанность выкупить незаконно отчужденное имущество, которым владелец распоряжался по праву кормли, можно отнести к обязанностям, вытекающим из причинения вреда. Действительно, с группой рассматриваемых обязательств этот вид сближается отсутствием определенного законом размера санкции — ответственность провинившегося лица сводится к восстановлению

«мира», установленного порядка, то есть к возмещению ущерба и восстановлению status quo. Статья 72 Псковской Судной грамоты посвящена именно этому вопросу и позволяет сделать существенное уточнение — факт причинения ущерба должен быть доказан («а доличат того человека»)[15, с. 338; 16; 17]. В некоторых случаях достаточно было явить пред лицо общины саму картину нанесенного ущерба (например, в случае потравы — очевиден ущерб для поля и «виновная» скотина находится в руках истца). В других случаях (как, например, в случае с попыткой распоряжения кормлей) требовалось специальное судебное разбирательство, на котором рассматривались существующие архивы грамот на данный земельный участок, выслушивались свидетели-соседи и т.п.

Таким образом, можно выделить несколько видов обязательств из причинения вреда. Их объединяет особенность содержания данного обязательственного правоотношения — должник обязывается возместить причиненный ущерб, никаких дополнительных штрафных санкций не предполагается. Различия между разными видами этих обязательств состоят в особенностях трактовки субъектов и предмета, установления факта ущерба — то есть основания для возникновения обязательства и т.п.

Важным представляется то обстоятельство, что во многих обязательствах из деликтов значимую роль играет понятие коллективной ответственности, в качестве субъектов выступают либо родовой коллектив (например, в случае с кормлей), либо городская община (ответственность за долги одного из членов общины). Видимо, в рассматриваемый период эта группа обязательств относилась к преимущественной регламентации обычным правом, однако законодатели уже делают попытки распространить на них свою компетенцию (назначение штрафов за неисполнение обязательств из причинения вреда, статья о распоряжении кормлей в Псковской Судной грамоте и др.).

Статья подготовлена в рамках Государственного контракта №14.740.11.0555 от 05.10.2010 г. выполняемого по ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009-2013 гг.»

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.-Л., 1949. № 78.
2. Новгородская первая летопись старшего извода. Синодальный список. Под 6642 г. (1134 г.). Л. 15 — 15 об.
3. Хорошкевич А.Л. Новые новгородские грамоты XIV-XV вв. // Археографический ежегодник за 1963 год. М., 1964. № 3.
4. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. № 17.
5. Договор Новгорода с Готским берегом и немецкими городами 1189-1199 гг. // Памятники русского права. Вып. II. Памятники права феодально-раздробленной Руси. М., 1953.
6. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. № 332.
7. Полоцкие грамоты. Т. 1. М., 1973. № 110.
8. Арциховский А.В., Борковский В.И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956—1957 гг.). М., 1963. № 246.
9. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. № 182.
10. Оспенников Ю.В. Виды ответственности в русских летописях XI-XV вв. // Вектор науки ТГУ. Серия: Юридические науки. 2010. № 3. — С. 147—149.
11. Рогова О.В. Ответственность за нарушение межевых знаков в древнерусском праве // Вектор науки ТГУ. Серия: Юридические науки. 2010. № 3. — С. 174—176.
12. Ст. 23—24 кодекса всеобщего крестьянского права Ливонии (Кодекс всеобщего крестьянского права Ливонии.).
13. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. № 316.
14. Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М., 1995. — С. 363.
15. Псковская Судная грамота // Российское законодательство X—XX вв. Т. 1. М., 1984.
16. Федорова А.Н. Толкование норм псковской судной грамоты об ответственности за причинение вреда // Вектор науки ТГУ. Серия: Юридические науки. 2010. № 2. — С. 167—169.
17. Федорова А.Н. Гражданско-правовые деликты по псковской судной грамоте // Вектор науки ТГУ. Серия: Юридические науки. 2010. № 3. — С. 206—209.

CIVIL-LAW RESPONSIBILITY IN THE OLD RUSSIAN RIGHT

© 2012

Y. V. Ospennikov, doctor of law science,
professor of the chair «State and legal disciplines»
The Samara legal institute FSEP of Russia, Samara (Russia)

Keywords: old Russian right; obligations from the infliction of harm; delicts, civil-law responsibility.

Annotation: In article the system of obligations from the infliction of harm, usually not considered in research works is revealed. On the basis of the analysis of sources of the right and law-enforcement acts features of obligations from деликтов in Russian right of the XI-XV centuries are established.